

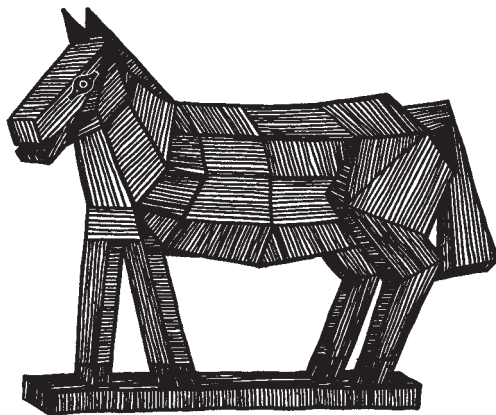
ЭНЕИДА

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ВЕРГИЛИЯ

в пересказе

Вадима Левенталя

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга выходит в серии «Matrix Epicus», но смотрится в ней немного белой вороной. «Гильгамеш», «Песнь о Нибелунгах», русские героические былины, «Калевала» и так далее – всё это фольклор, то есть народное, коллективное творчество. «Илиада» и «Одиссея» приписываются Гомеру, однако специалисты склонны первую считать всё-таки произведением фольклора и лишь вторую, может быть, в какой-то степени продуктом творчества одного-единственного автора, о котором мы в любом случае ничего не знаем наверняка.

Что касается «Энеиды» – тут мы точно знаем, кто был её автор, когда, в каких обстоятельствах и с какой целью он её написал.

Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.), приближённый императора Августа и самый знаменитый поэт своего времени, писал поэму последние десять лет своей жизни и умер, не дописав её. Работая над «Энеидой», Вергилий

выполнял своего рода госзаказ: от него требовалось восславить величие Рима и обосновать тот факт, что Август стал единоличным правителем государства. То есть на самом деле всё было гораздо сложнее и интереснее (найдите в Интернете статью М. Л. Гаспарова «Вергилий – поэт будущего» и почитайте её, она того стоит), но для первого приближения сойдёт и так.

В статье Гаспарова говорится и о другом общеизвестном факте: «Энеида» написана в подражание Гомеру, причём сразу и «Одиссее», и «Илиаде». На это указывают первые же слова поэмы, знаменитые:

Arma virumque cano...

Дословно: «Пою войны и мужа». Иными словами – расскажу о сражениях (как в «Илиаде») и о приключениях (как в «Одиссее»). В «Энеиде» полным-полно отсылок к Гомеру и не только к нему. Именно поэтому она – литературное произведение в отличие от любого фольклорного, ведь собственно литература появляется тогда и только тогда, когда текст отсылает к другим, известным читателю, то есть как бы «помнит» о текстах, сочинённых до него.

Одним словом, в отличие от «Старшей Эдды», «Пополь-Вух» или «Пятой Веды» «Энеида» – это литература.

И всё же появление её в одном ряду с ними закономерно: в силу гениальности автора и привходящих исторических обстоятельств «Энеида» воспринимается как «натуральный», без ГМО, народный эпос; в структуре римской и мировой литературы она выполняет его работу.

Достаточно сказать, что многие сюжеты из неё мы знаем, даже если её не читали, – вот хотя бы про падение Трои и троянского коня или про Энея и Дидону, да мало ли.

Однако вот парадокс: сюжеты знаем, а саму поэму – чаще всего нет. Средний читатель, если он не учился на филфаке и не сдавал «античку», мог читать «Илиаду» или «Одиссею» (ну хотя бы отрывки в школьной хрестоматии), но «Энеиду» – едва ли. Этому есть простое объяснение: нам не повезло, гениального (конгениального, пхахах) перевода поэмы на русский не существует.

Европейской культуре такой перевод долгое время вообще не был нужен: вплоть до недавнего времени любой образованный европеец свободно читал на латыни, тем более что носителям романских и германских языков учить латынь проще, нежели нам. Именно поэтому Европа все эти две тысячи лет знала «Энеиду» наизусть, и знала её лучше, чем Гомера, – ведь как раз «Илиаду» и «Одиссею» там читали чаще всего в переводе.

На русский «Энеиду» переводили несколько раз, в том числе Фет и Брюсов, но читать эти переводы трудно, они больше похожи на головоломки; не везёт. Перевод С. А. Ошерова, появившийся в 1971 году, – единственный, который без труда можно найти в библиотеках и который до сих пор переиздаётся. Он хороший, но, увы, чуда не произошло – Вергилий так и не зазвучал по-русски. Читая его, трудно понять, почему «Энеида» сразу возглавила все хит-парады и две тысячи лет остаётся в чартах, стала серебряной, золотой, платиновой, палладиевой и бог знает какой ещё.

И почему именно эта пластинка так вьелась в подкорку всей европейской культуры, что отсылки к ней и цитаты из неё есть буквально везде, куда ни ткни, в самых неожиданных книгах (а мы их не всегда видим, потому что сами «Энеиду» не читали)? А ведь она не единственная эпическая поэма, дошедшая до нас от Древнего Рима, их полно, от великолепных – как «Фиваида» Стация или «Фарсалия» Лукана – до *ну такое* типа «Пуники» Силия Италика. Но всё-таки «Энеида» – особняком. Почему именно она?

Секрет прост. Он – в Вергилиевой латыни. В оригинале стихи «Энеиды» звучат так, что читателя трясёт, будто на оголённых проводах. Вспомните самые торжественные из великих русских стихов – пушкинского «Пророка», или тютчевского «Цицерона», или «Товарищу Нетте» Маяковского, – сложите вместе и умножьте на два; вот примерно так. Величие и свободное течение, размах и простор, пафос и восторг, дыхание полной грудью и гулкий подземный рокот, литавры и фанфары, Девятая симфония Бетховена и увертюра к «Тангейзеру», мурашки по спине и слёзы из глаз.

Едва ли это вообще можно перевести на другой язык. Автор (безусловно, гений) работал десять лет; нужен был бы другой гений (и чтобы у него тоже было много свободного времени). А так, чтобы ещё при этом точно передать содержание каждого стиха, – ну нет, невозможно.

К счастью, передо мной такой задачи – переводить – и не стояло. Задача была – пересказать простым русским языком. Так, чтобы текст легко и удобно читался, чтобы

понятно было, о чём речь. Если при этом мне удалось хотя бы отчасти, хоть на сотую долю, передать торжественный слог оригинала – тем лучше. Если при этом приходилось жертвовать строгой верностью букве оригинала – ну что ж, значит, приходилось жертвовать; важнее было сохранить дух.

Я пользовался двумя переводами – Ошерова и Брюсова, – постоянно сверяя их друг с другом, и время от времени залезал в оригинал, восстанавливая в памяти университетскую латынь. На филологическом факультете СПбГУ мне повезло учиться у Юлии Викторовны Гидуляновой, и, пользуясь случаем, я выражаю ей глубочайшую благодарность за тот суровый и беспощадный курс молодого бойца, который я прошёл под её руководством; учить латынь, знаете ли, это вам не лобио кушать.

И всё же: этот пересказ выполнен не для специалистов по Античности – зачем бы им это было надо? – а для любознательного читателя. Может быть, школьника. Может быть, студента с непрофильного отделения. Да просто любого читателя, который хотел бы ознакомиться с содержанием «Энеиды», а времени и сил продираться через гексаметры, даже русские – о, это отдельный навык! – нет.

Тут, правда, возникает ещё одна сложность. Текст Вергилия полон реалиями, вещами и идеями, с которыми современный читатель, если он, конечно, не специалист, незнаком. Британский учёный Николас Хорсфолл написал пять томов комментариев к «Энеиде» – и его работа так и осталась незавершённой.

Снабжать этот пересказ постраничным комментарием – кто такая Кибела, где находится Фригийская Ида и т. п. – значило бы похоронить главную цель работы: сделать текст, удобный для чтения. Невозможно с удовольствием читать книгу, удерживать внимание на напряжённом действии и понимать, о чём речь, если постоянно приходится отвлекаться от чтения в поисках объяснений, что значит то или иное слово.

Идеально, исчерпывающе решить эту проблему невозможно – пришлось бы заодно переводить пять томов Хорсфолла. Да и вообще для этого по-хорошему нужна целая рабочая группа при Академии наук (почему, кстати, такой группы до сих пор нет?). В общем, мне приходилось искать компромиссы и крутиться, имея в виду главную цель: удобство чтения.

Некоторые слова и явления, если это было удобно, объяснены прямо в тексте – там, где они впервые упоминаются. Скажем, в 13–14-й строках Третьей книги сказано:

Terra procul vastis colitur Mavortia campis
(Thracēs arant)...

То есть (в переводе Ошерова): «Есть земля вдалеке, где Маворса широкие нивы пашет фракийцев народ». Комментарий здесь должен был бы разъяснить, куда именно и к кому приплыл Эней. Я позволил себе ввести этот комментарий прямо в текст: «Вдалеке, по другую сторону Фракийского моря, по берегам Струмы пашет Мар-

совы нивы племя эдонов». Заинтересованный читатель легко найдёт на карте и Фракийское море, и реку Струму и узнает, кто такие эдоны.

В каких-то случаях я всё-таки рассчитывал на школьные познания читателя в мифологии и географии – ну камон, нетрудно же вспомнить, кто такой Юпитер и где находится Ливия.

В других случаях я исходил из того, что у современного читателя всегда под рукой телефон с поисковиком – все названия и имена приведены к такому написанию, чтобы их было удобно найти в Интернете. Так, в той же Третьей книге Энею во сне являются пенаты и говорят:

Dictaea negat tibi Iuppiter arva.

То есть: «Юпитер не даёт тебе Диктейских пашен». Я позволил себе написать «пашни у подножия Дикти», потому что по запросу «Диктейские пашни» поисковая машина даёт только ссылки на «Энеиду», а вот запрос «гора Дикти» сразу отсылает куда надо.

Для самых дотошных читателей в конце книги всё же сделан словарик со всеми именами и названиями, упомянутыми в поэме. Однако я рекомендую обращаться к нему только в самом крайнем случае – когда без этого совсем никак и ничего решительно непонятно (mea culpa). Ну или в том случае, если вы будете читать эту книгу во второй раз – ну мало ли, – чтобы пройтись по уже знакомому тексту и вникнуть в мелочи, которые ускользнули из поля зрения в первый раз.

Я всё же настаиваю: для первого раза кое-какие вещи легко могут остаться для читателя этакиими неясными иероглифами древности; Лотман в предисловии к «Имени розы» говорит о читателе, который ничего не понимал в средневековой схоластике и для которого споры номиналистов и реалистов в романе оставались чем-то вроде музыки, нагнетающей саспенс в триллере, ну почему нет – подобным образом читатель моего пересказа может позволить себе воспринимать что-то, что он не вполне понял. В идеале эту книгу нужно прочитать быстро, насквозь, не отрываясь и не отвлекаясь на изыскания – как с горочки скатиться, – главное должно быть понятно и так. (А потом уже, если вдруг захочется – забраться на горочку снова и исходить её всю вдоль и поперёк, подолгу вдумчиво останавливаясь у каждого кустика... Обещаю, это отдельный и крайне увлекательный опыт.)

Читатель, у которого руки до этого не дойдут, имеет полное право спросить: а насколько этот пересказ вольный, очень ли его содержание расходится с содержанием оригинала? Что ж, ответ такой: нет, на самом деле не слишком, бывает и хуже. У Вергилия кое-где хромает греческая география, потому что он никогда не был в Греции, в поэме есть кое-какие тёмные места и единичные позднейшие вставки, кое-что в поэме осталось не отшлифованным, есть даже некоторые противоречия внутри самого текста, потому что, как уже упоминалось, поэт умер, не закончив работу, – такие вещи я как сумел «зашпатлевал». Кроме того, я свободно переставлял фразы, когда иначе не получалось, что-то перефразировал, а с чем-то с тяжёлым

сердцем и расставался, потому что ну никак не получалось сказать это по-русски. Однако я всё же уверен, что всё это касается мелочей – иногда страшно интересных, но всё же на общую картину влияющих мало. Главное должно быть понятно и так, причём понятно без комментария.

Тем не менее есть несколько вещей, которые имеет смысл объяснить прямо сейчас. Так сказать, договориться на берегу. Зная их, читать будет легче и понятнее, а стало быть, интереснее.

Начнём с того, что мы тут не на семинаре по античному оружию и античным доспехам. Безусловно, есть разница между дротиком и копьём, панцирем и нагрудником, щитом таким и щитом сяким – однако там, где эта разница казалась мне непринципиальной для общей картины, я жертвовал точностью в пользу благозвучности. Реконструкторы, мамкинны знатоки и прочие специалисты благоволят в таких случаях обратиться к латинскому оригиналу.

Нам также не обязательно детально разбираться в античной утвари – чаша и чаша, – однако есть одна вещь, которая в тексте упоминается довольно часто, – это кратёр. Тут нужно представить себе не просто чашу, а большую, размером этак с тазик, чашу. Из неё не пили; она предназначалась для того, чтобы в неё смешивать вино.

Вино греки и римляне обычно пили, смешивая с водой. Тот, кто пил неразбавленное вино, считался пьяницей. Однако иногда неразбавленное вино всё же было законно: в особо торжественных случаях и, само собой, когда вино предназначалась богам, то есть проливалось над алтарём, например.

Привычных нам богов здесь зачастую зовут их римскими именами – Юпитер, Юнона, Венера (а не Зевс, Гера и Афродита). Важную роль в какой-то момент в поэме играет чуть менее известная у нас Кибела, которая здесь отождествляется с греческой Реей, титанидой, матерью Зевса, Геры, Посейдона и некоторых других, поэтому она также называется Матерью богов.

Кроме богов, общих для греческого и римского пантеонов, тут есть и чисто римские боги, такие как Янус или Квирин, – но большой роли они всё равно не играют. Иногда вы увидите имена типа Марс-Градив, Диана-Тривия или Нептун-Эгеон – это не другие боги, а те же самые; в первом приближении можете считать эти наращения просто дополнительными именами. Однако если вам захочется чуть получше разобраться в путаной (вдвойне путаной) толпе античных богов, титанов, гигантов и прочей живности, а также в религиозных обрядах, которых тут тоже полно, – рекомендую обратиться к соответствующим главам в первом и втором томах «Истории веры и религиозных идей» М. Элиаде* (а вот иностранный ресурс, внесённый в реестр сайтов с запрещённой информацией, – Википедию – в данном случае не рекомендую, тут она скорее запутает и введёт в заблуждение).

Вообще у одного и того же лица в «Энеиде» может быть много разных наименований, не нужно этого пугаться. Аполлон может называться Фебом, а может Тимбре-

---

* Также хорошим проводником будет: Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. Его нетрудно купить в «Старой книге» или найти в Сети.

ем. Юл – он же Асканий. Пирр – он же Неоптолем, он же сын Ахилла и он же Пелид. Всё это каждый раз по разным причинам, объяснять которые я не вижу настоящей необходимости. Я старался сделать так, чтобы всякий раз было понятно из контекста, о ком идёт речь, и в любом случае в главных героях вы точно не запутаетесь, они всегда называются одинаково. (Однако же не перепутайте реку Тибр и бога этой реки Тиберина!)

То же самое касается группы лиц. Спутники Энея, его народ, могут называться троянцами, тевкрами, энеадами, дарданидами или фригийцами – потому что они граждане Трои, принадлежат к народности тевкров, путешествуют с Энеем, их общий прародитель Дардан, а область, из которой они происходят, – это Фригия (то есть, на наши деньги, западная часть Анатолии, или иначе Малой Азии, где и стояла Троя).

В «Энеиде» также упоминается множество племён, населяющих (населявших) Италию, – рутулы, тиррены и другие. Латины при этом могут называться ещё лаврентцами по названию своей столицы Лаврента. При этом все эти племена вместе могут называться италийцами, понятно почему, или авзонидами, потому что Авзония – другое название Италии. Иногда в тексте появляется Гесперия – так, вообще говоря, называлась вся область западного Средиземноморья, но тут опять-таки имеется в виду Италия.

И снова я призываю вас не пугаться, если вы чего-то недопоняли или в чём-то запутались. Самые важные, ключевые моменты сделаны так, что запутаться в них

невозможно – во всех остальных случаях можно пренебречь и плясать дальше; разберётесь потом.

Чуть сложнее обстоит дело с манами, ларами и пена-тами. Правда состоит в том, что до сих пор даже среди специалистов идут споры – кто это такие и в чём между ними разница. Для простоты и общего понимания давайте считать, что всё это – духи предков. Маны – это такие духи предков, которые живут в царстве мёртвых. Пенаты – это такие духи предков, которые живут в доме, а также их изображения, то есть маленькие статуэт-ки; их можно взять с собой, если куда-то переезжаешь. А лары – это такие духи предков, которые живут в доме, но взять их с собой нельзя, они прочно привязаны к месту; то есть если дом сгорит, например, то они сгорают вместе с ним.

Вообще мёртвых и смерти в «Энеиде» примерно столько же, сколько жизни и живых. Говорить об античной концепции смерти можно было бы бесконечно, но для понимания поэмы критически важно понимать вот что. В мире «Энеиды» страшно умереть, но ещё страшнее не быть похороненным. А ещё страшнее и того и другого – смерть детей. Да, в Шестой книге описывается Элизий, населённый душами праведников, – но как раз это для Античности небывалое исключение. Правило же состоит в том, что с представлением о бессмертии души у греков и римлян было туго: либо бессмертия нет, либо оно есть, но такое, что лучше б не было. Одним словом, для Античности дети, наличие потомства во многом идею бессмертной души заменяют. Поэтому, убивая меня, ты

всего лишь убиваешь меня; но убивая моих детей, ты лишаешь меня бессмертия. Именно так к этому относятся герои «Энеиды».

Но вернёмся к праведникам и скажем главное.

Самое принципиальное.

То, без чего будет вообще ничего не понятно. Или понятно, но с точностью до наоборот.

Три восклицательных знака.

Относиться к героям «Энеиды», осуждать или одобрять их поступки нельзя с позиций современной (старой или новой, пхахах) этики. То есть можно, конечно, кто ж запретит, но это нарушало бы принцип историзма. Потому что наша современная этика хотя и наследует античной, всё же очень серьёзно трансформирована христианством.

Христианская этика, как известно, строится на системе заповедей, то есть запретов. Есть вещи, которые делать нельзя. Тот, кто их делает, совершает грех и становится грешником. Так возникает оппозиция «грех – святость». Причём для христианской этики предпочтительны именно эти экстремумы – как известно, раскаявшийся грешник Богу дороже ста праведников, а тех, кто ни холоден, ни горяч, Он пообещал излевать из уст Своих.

Античная этика иная. Никаких запретов она не знает, экстремумы презирает, а ключевые ценности для неё – умеренность, смирение перед волей богов и перед судьбой, владение собой, самообладание. Грубо говоря, если христианская этика говорит «не убий», античная говорит: «убей, если такова воля богов, но сделай это без удовольствия».

Именно поэтому многочисленные поздние сюжеты на мотив «Эней и Дидона», как бы прекрасны сами по себе они ни были, не имеют никакого отношения к Вергилию. Мы, воспитанные в лоне христианской культуры, да ещё в реверберациях эпохи Романтизма, сочувствуем Дидоне: ведь она так страстно любит, разве это не прекрасно! Но с точки зрения Вергилия и его имплицитного читателя, она заслуживает осуждения – как раз потому, что от страсти потеряла голову. Мало того – ещё и впала в отчаяние, другую эмоциональную бездну. А вот Эней, наоборот, в этой истории красавчик – во-первых, следует воле богов, а во-вторых, ни в какие крайности не впадает: не влюбляется до безумия в царицу, но и не отказывается от влюблённой.

Та же история и с главным антагонистом второй части поэмы, царём рутулов Турном. Мы ничего не поймём в их с Энеем противостоянии, если не обратим внимание на то, что Турн постоянно впадает в экстаз, в бешенство, теряет контроль над собой, выходит из себя, не помнит себя, позволяет страстям завладеть собой. Фуко назвал концепцию античной этики «забота о себе» – так вот Турн вообще о себе не заботится. Напротив, Эней всегда равен себе, владеет собой, держит себя в руках. Правда, он может впасть в ярость – но это только во время битвы, тогда можно, это единственный случай, когда можно – и, конечно, лишь до того момента, когда противник обезоружен. Тут нужно мгновенно успокоиться и прийти в себя. Что он в финале и делает. Правда, убить поверженного противника всё же придётся –

но ведь такова воля богов, а значит, это ещё один плюс к карме!*

Вот почему Турна, при всей его доблести и храбрости, античный читатель «Энеиды» воспринимал как того, кто ведёт себя недостойно, фу таким быть.

И вот почему Вергилий так настойчиво всю дорогу называет Энея *insignis* – слово трудное для перевода, но ничего лучше, чем благочестивый, пока так и не придумали. Потому что в мире поэмы он – идеал современника; по римским понятиям, он находится примерно на том же месте, где по христианским находился бы святой. И кстати, местнотчимым богом, то есть на римские деньги святым, он в конце концов и станет. Почему? Потому что он чтит волю богов и не подвержен страстям.

Ну что ж, вот теперь вы снаряжены в поход. Хотя бы самым необходимым.

Поехали.

Итак,

Arma virumquecano...

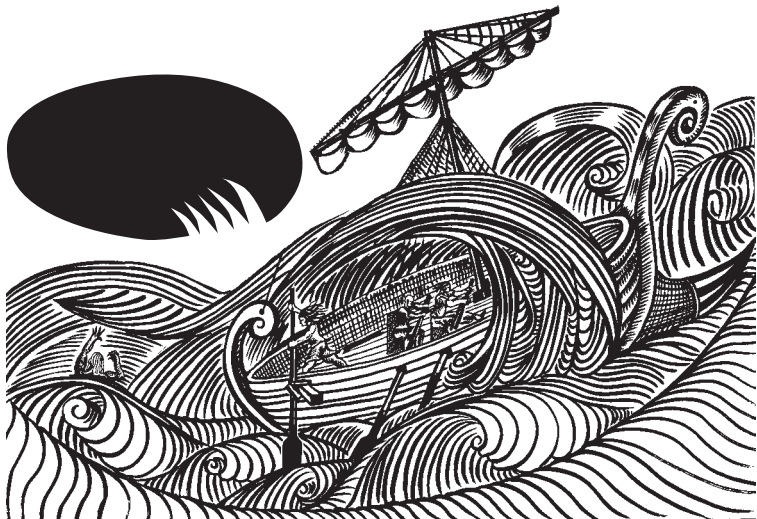
* См.: Г.-П. Сталь. «Смерть Турна: Вергилий на службе Августа и политический противник в его поэме».

КНИГА ПЕРВАЯ

Воспоём же ратные подвиги и восславим героя, что первым, спасшись из сожжённой пожаром Трои, пристал к берегам Италии. Юнона, жестокая и злопамятная царица богов, много лет заставляла его скитаться по земле и по морю, но в конце концов, после многих бедствий и войн, в области Лаций, там, где Тибр впадает в Тирренское море, наш герой и его дети заложили города Лавиний, Альба-Лонга и, наконец, Рим. В этот город они перенесли реликвии своих предков и здесь же дали начало новому народу – народу римлян. С чего всё началось? Почему Юнона так ополчилась на нашего героя, почему насылала на него несчастье за несчастьем? Почему так гневалась на человека, известного своим благочестием и почтительным отношением к богам? Или боги безжалостны к нам безо всякой причины?

Гордый Карфаген, богатый и могучий город, стоял на юге Тирренского моря, на берегу Тунисского залива, и Юнона была его покровительницей. Храм царицы богов здесь был больше и роскошнее, чем на родном её Самосе, здесь хранились её доспехи и колесница. Она мечтала, что когда-нибудь Карфаген станет повелевать всеми другими народами. Но она знала и о пророчестве: что будто бы от поверженного троянского древа произрастёт побег нового народа, и этот народ однажды сровняет Карфаген с землёй. Так предсказали Парки. Юнона вела Троянскую войну на стороне греков и вышла победительницей, но не успокоилась на этом. Троянцев она ненавидела люто и давно, с тех пор, как царский сын Парис признал прекраснейшей не её, а Венеру, с тех пор, как Юпитер пренебрёг ею ради Ганимеда, ещё одного юноши древнего царского рода тевкров. Сам этот род произошёл от другой давней измены её божественного супруга, и её ненависть к этому роду не ослабла и после того, как стены Трои пали, а уцелевшие троянцы, спасаясь от грозной ярости Ахилла, погрузились на корабли и отдались на волю волн. Юнона сделала всё, чтобы они не могли найти дороги в Лаций. Немало горя пришлось хлебнуть будущим основателям Рима, и уже много лет скитались они по волнам.

Обитые медными пластинами носы кораблей взрезали зеленоватые волны – то флот троянцев отчаливал из царства Акеста, от северо-западной оконечности Сицилии в сторону Лация. Видя это, Юнона не могла сдержатъ ярости:

– Неужели я должна смириться с тем, что они доберутся до Италии? Пусть их ведёт туда судьба, но разве боги не сильнее судьбы? Афина отомстила Аяксу, когда он возвращался из Трои, за то, что в её храме он силой взял Кассандру. Она сожгла корабли греков молнией, а самого Аякса бросила на острые скалы. А я – царица богов, сестра Юпитера и его жена – столько лет не могу справиться с троянцами! Кто же станет после этого почитать меня, кто будет приносить дары в храмы, кто будет мне молиться?

Во мгновение ока Юнона перенеслась на Липарские острова, мрачные и безжизненные вулканические скалы неподалёку в Тирренском море, что были вотчиной повелителя ветров Эола. Здесь, где в глубоких пещерах томились в заточении бури и грозы, сам Эол восседал на скалах, и в руках у него был жезл – символ власти, вручённый ему Юпитером. Из глубин пещер доносились рёв и рокот закованных в цепи стихий.

Юнона стала льстить Эолу, желая подкупить его:

– Ты так могущественен! Одним мановением своего жезла ты смиряешь стихии и заставляешь их вздыматься над морями! Смотри же, вот по тирренским волнам плывут корабли ненавистных мне троянцев, они несут в Италию свои реликвии из проклятой Трои. Обрушь на них бурю, разбросай корабли и утопи людей! А я за это отдам тебе в жёны одну из своих четырнадцати нимф, Дейопею, прекраснейшую из всех, и она родит тебе прекрасных детей!

Эол отвечал ей:

– О царица богов! Ты сделала меня повелителем ветров, ты дала мне силу и власть! Я всего лишь твой слуга,

Юнона, и, когда ты приказываешь, моё дело – повиноваться.

Он ударил жезлом в скалу, и тогда, покорные его воле, наружу вырвались бури и ветры. Эвр, Нот и Африк – восточный, южный и юго-западный ветры вместе обрушились на море, вздыбив волны с самого дна до неба. Доски и канаты заскрипели на кораблях, люди завопили; небо затянула чёрная гроза, и стало темно, как ночью. Гремели тучи, и сверкали молнии – сама смерть подступала к троянцам. В ужасе Эней воздел руки к небу и прокричал:

– Блаженны павшие под стенами Трои! Лучше было бы мне умереть там, сражённым Диомедом. Почему я не погиб в битве рядом с Гектором, Сарпедоном и другими товарищами! Воды бурного Ксанфа омывали бы мой щит и мой шлем – вместе с телами других героев!

Ветер рвал паруса, разворачивал корабли боком к волне, и волны нависали всё выше и выше. Три корабля буря бросила на крутые утёсы острова Эгимур, а другие три унесла ещё южнее, в Большой и Малый Сирты, мелководные и опасные заливы у берегов Ливии. Корабль Оронта волна, перекрутив трижды, засосала в пучину. В воронке шторма крутились доски, копья, щиты и люди. Корабли Илионея, Ахата, Абанта и Алета едва держались на плаву, и не было ни одного, в днище которого сквозь щели не хлестала бы вода.

Тогда грохот возмущённых волн достиг ушей владыки Нептуна. С глубин моря он услышал разыгравшуюся бурю и поднялся над поверхностью вод, чтобы обозреть своё царство. Он увидел разбросанные корабли троянцев,

увидел почерневшее небо и понял, что это дело рук его не в меру гневливой сестры Юоны. Тогда он призвал к себе разбушевавшиеся ветры и строго сказал им:

– Кто вы такие, чтобы в моём царстве поднимать волны до звёзд и смешивать море с небесами? Своей властью я повелеваю вам уgomониться и вернуться к своему хозяину. Передайте Эолу, что власть над морем и трезубец, символ этой власти, вручены мне, а не ему. Голые скалы – его вотчина, темница – его царство! Пусть довольствуется ими да получше вас охраняет!

И Нептун своей рукой успокоил море и разогнал тучи, чтобы открыть небо для ослепительно яркого солнца. Тритон с Кимфосей помогли ему снять одни корабли с острых скал Эгимура и вывести другие с мелей Сиртов. Сам Нептун легко помчался в своей колеснице по тихой глади морских вод.

Так бывает, когда вдруг в толпе вспыхивает бунт, чернь выходит из себя и, ослеплённая гневом, буйствует и убивает, а во все стороны летят камни и факелы. Но стоит появиться на площади человеку, известному своей доблестью и благочестием, как толпа стихает. Он говорит, а остальные, обступив его, молча слушают речь, которая успокаивает людей и заставляет их задуматься. Так же успокоилось море, стоило его повелителю пронестись по волнам, правя своей послушной колесницей.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА